



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu7.2017.1.9>

УДК 2-846(470+571)

ББК 8629(2Рос)

РЕЛИГИОЗНЫЕ КОНВЕРСИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ольга Ивановна Сгибнева

Доктор философских наук, профессор кафедры социологии,
Волгоградский государственный университет
olga.sgibneva@volsu.ru, socpol@volsu.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются причины возникновения и особенности деятельности новых религиозных движений (НРД) в России. На основе теории религиозной конверсии, разработанной Дж. Лофлэндом, Р. Старком, У. Байнбриджем, предложен подход к типологизации новых религиозных движений на федеральном и региональном уровнях с учетом особенностей вероисповедной доктрины и религиозных практик рекрутирования адептов.

В настоящее время новые религиозные движения составляют не более 1 % от всех зарегистрированных в России религиозных организаций. Те из них, которые выполняют требования российского законодательства, обладают теми же правами, что и крупные религиозные организации, исторически укорененные в российском социуме. К психопатологической конверсионной модели можно отнести Церковь Богоматери «Державная», некоторые неоязыческие общины. К предпринимательской модели тяготеют организации Саентологической церкви, Церковь объединения. К социальной модели можно отнести Общество сознания Кришны (вайшнавы), Церковь Христа, Армию спасения; модели «нормализованного» Откровения соответствует Церковь последнего завета.

Автор рассматривает новые религиозные движения как объективное явление, как ответ на потребности общества, которое требует научного изучения. Осмысление проблем формирования и функционирования НРД позволяет лучше понять современные социальные отношения.

Ключевые слова: свобода совести, религиозная ситуация, религиозные организации, новые религиозные движения, теория религиозных конверсий, миссионер, прозелитизм.

Социальные трансформации конца XX – начала XXI в. коренным образом изменили религиозную ситуацию в России и выявили новых субъектов общественных процессов. Изменение политики государства по отношению к религиозным организациям, снятие необоснованных ограничений и запретов на их деятельность, рост общественного интереса к религиозным учениям, роли религий в истории и культуре России создали принципиально

новую обстановку в обществе, актуализировали проблему реализации принципа свободы совести и свободы вероисповеданий в современных социальных отношениях. Установленный Конституцией Российской Федерации и Федеральным законом «О свободе совести и о религиозных объединениях», этот принцип стал важной частью государственной политики. Сохраняя статус светского государства, в котором никакая религия не может устанавли-

ливаться в качестве государственной или обязательной, а религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом [1, с. 44, 52–54], Россия не может не учитывать поликонфессиональную структуру общества, сформировавшуюся в результате исторически длительного и сложного процесса функционирования религиозных объединений.

Конфессиональный портрет России сложен и многообразен, основной тон в нем задают религиозные организации, история которых насчитывает столетия. Вместе со всем российским обществом они прошли через эпоху государственной религии, в которой были и «терпимые», и «гонимые» религии, через эпоху запретов, ограничений и репрессий государства с атеистической идеологией, получив в Российской Федерации возможности развития и взаимодействия в условиях свободы совести и свободы вероисповеданий. В России сегодня зарегистрированы около 28 тыс. религиозных организаций более 60 вероисповедных направлений. Более половины из них (16 277) составляют организации Русской православной церкви (Московский патриархат). Православие представлено в нашей стране еще 435 организациями других направлений (старообрядчество: Русская православная старообрядческая церковь, Древлеправославная церковь, Поморская церковь и другие согласия; Русская православная церковь за границей, Истинно православная церковь, Русская православная автономная церковь и др.). Действуют 235 организаций Римско-католической церкви, 90 – Армянской апостольской церкви, более 5 тыс. организаций различных протестантских направлений. Названные христианские организации, более 5 тыс. мусульманских и около 300 буддийских общин [3] укоренены в культурных традициях России, имеют длительную историю функционирования на ее территории. Но не только они составляют конфессиональный портрет современной России.

С конца 80-х гг. прошлого века активно распространяются организации и движения, смысл которых по-разному интерпретировался исследователями современной религиозной ситуации в России. Их называли нетрадиционными культурами, неорелигиями, тоталитарными сектами, внеконфессиональными и неканоническими верованиями и т. д. Это было

новое явление для Советского Союза, для России. Часть новых религиозных образований возникли как результат миссионерской деятельности зарубежных центров, часть возникла на российской почве: их лидеры заявили о новом прочтении Священных книг, о новом Откровении, сошедшем на них. В условиях правового вакуума конца 80-х – начала 90-х гг. XX в. началось мощное шествие этих организаций по территории всей страны. Либерализация государственной политики, отсутствие необходимой для регулирования отношений в религиозной сфере правовой базы, неготовность чиновников и высших руководителей страны к взаимодействию с такого рода организациями привели к тому, что миссионеры, прежде всего зарубежные, получили поддержку властных структур. С руководителями Церкви Объединения (Южная Корея), Сентологической церкви (США), АУМ Сенрике (Япония) встречались М. Горбачев, А. Руцкой, Р. Хасбулатов, руководители органов власти в субъектах Российской Федерации. Миссионерам предоставлялись лучшие залы в Москве, Санкт-Петербурге и других крупных городах, время на российских телеканалах; в Хабарт-колледжах прошли обучение представители федеральных и региональных органов власти и управления [2].

Не было в России 80–90-х гг. XX в. и научного опыта исследования этого нового для российской общественной жизни явления. В сложившихся условиях полезной для анализа новой ситуации в религиозной сфере представляется теория религиозных конверсий, разработанная американскими социологами Джоном Лофлэндом, Родни Старком и Уильямом Байнбриджем в конце 60-х гг. XX в., когда в США стали активно распространяться идеи созданной в Южной Корее в конце 1950-х гг. Церкви объединения Муна. Американская социологическая школа первой встала перед проблемой осмысления нового явления в религиозной сфере общества [4]. Методы миссионерской деятельности этой церкви не укладывались в рамки теории прозелитизма, то есть стремления обратить других в свою веру; деятельности, направленной на достижение этой цели. По отношению к исследуемым процессам социологи применили термин «конверсия» (от лат. *conversion* – обращение, превра-

шение, изменение), именуя этим понятием процесс обращения в новые, нетрадиционные для территории распространения религиозные движения. В настоящее время термин «новые религиозные движения» (НРД) стал достаточно устойчивым и используемым в современных религиоведческих исследованиях, он заменил обилие новых понятий, возникших на рубеже 80–90-х гг. прошлого века и имеющих прежде всего оценочный (как правило, негативный) характер. Под новыми религиозными движениями (англ. *new religious movements*) понимается «совокупность разных по учениям и организационному устройству религиозных объединений, которые сформировались и действуют вне исторически сложившихся мировых и национальных религий в основном с середины XX в. по настоящее время» [4, с. 187]. Этот термин носит обобщающий характер и не отражает качественную специфику новых для религиозной жизни общества явлений, но он позволяет обеспечить научную объективность религиоведческих исследований, в отличие от конфессионально ориентированных оценок новообразований («тоталитарные секты», «нетрадиционные культы» и т. п.). Появившись в 50-х гг. прошлого века, НРД быстро распространились в США, странах Европы, Азии, стали объектом общественного внимания; их изучение позволило выработать концептуальные подходы к осмыслению нетрадиционной религиозности и ее влияния на жизнь общества, к каковым относятся и теория религиозной конверсии.

Понятие «религиозная конверсия» активно используется в научных исследованиях со второй половины XX века. Классическим считается определение, сформулированное Ричардом Травизано в 1970 г.: под религиозной конверсией понимается «вход в религиозную организацию, сопровождающийся изменением общей идентичности индивида, включающий в себя мировоззрение индивида, его личностные характеристики и поведенческие установки» [5, с. 240].

Через теорию религиозной конверсии Дж. Лофлэнд и Р. Старк объясняют причины возникновения и быстрого роста новых религиозных движений во второй половине XX в., обращая особое внимание на соотношение религиозной конверсии с прозелитизмом. Общим

основанием для этих процессов выступает кризис религиозной идентичности как следствие несоответствия духовных интересов и ожиданий тому, что предлагают традиционные религии. Однако прозелитизм связан с новым религиозным выбором между действующими в социальном пространстве конфессиями. Религиозная же конверсия связана с принятием вероисповедания религии инокультурного происхождения, которая для автохтонного населения выступает в качестве нетрадиционной религии. Мотивация «обращения» нередко носит утилитарный характер и опирается на желание верующего индивида получить понятные и эффективные средства удовлетворения своих ожиданий и потребностей. Они могут касаться мировоззренческих исканий, социальных проблем, здоровья, семейно-брачных отношений. Для людей, испытывающих такие потребности, для людей, не удовлетворенных окружающей действительностью, НРД представляются наиболее подходящей формой организации духовной жизни. Согласно концепции Дж. Лофлэнда, при исследовании религиозной конверсии рекрутирования в НРД требуется комплексное понимание трех основных факторов «обращения» к новому религиозному выбору: длительная неудовлетворенность имеющимся духовным выбором, убежденность в решении жизненных проблем с помощью новой религии, самоопределение человеком себя как искателя такой религии, которую он сможет считать «истинной»; все они формируют психологическую детерминированность «обращения» [4, с. 152]. Но этого недостаточно, ибо процесс изменения религиозной идентичности имеет интерактивный характер. Ведь и сами новые религиозные движения ведут активную деятельность по популяризации своего вероучения, предлагают новые практики и новые духовные перспективы, ищут подходы к людям разных культур.

Анализ обращения должен учитывать и факторы социальных ситуаций, активизирующих выбор новой религиозной среды. Дж. Лофлэнд выделяет четыре таких фактора: достижение индивидом некоего поворотного пункта в системе прежних религиозных связей (конфликт), установление личных доверительных отношений с членами новой религиозной общности (знакомство), прекращение связей за пределами этой общности (раз-

рыв), интенсивное общение с адептами НРД [4, с. 151–153]. Таким образом, выбор новой религии можно рассматривать как сочетание индивидуальной мотивации в выборе новой религии и эффективных практик взаимодействия в новой религиозной среде.

На основе изучения деятельности новых религиозных движений и вопросов изменений в духовном выборе личности, Уильям Байнбридж и Родни Старк разрабатывают теорию рационального выбора в социологии религии. По их мнению, религиозный выбор в современном социальном пространстве, где религиозные идеи конкурируют друг с другом, можно рассматривать как рациональное действие, обусловленное мотивацией духовного поиска личности, ее потребностями и влиянием социального окружения. Изучение основ формирования новых религиозных движений позволило Р. Старку и У. Байнбриджу выделить четыре базовые модели образования новых религиозных движений:

- психопатологическая, которая возникает как следствие стрессового состояния основателя, для которого его личный религиозный опыт оказывается компенсаторным средством и на этом основании он предлагает ее своим последователям, нуждающимся в помощи и поддержке;

- предпринимательская, возникающая как новый продукт, созданный основателем из усвоенных им некогда религиозных учений, и продвигаемый им подобно товару на рынке духовных услуг;

- социальная, формирующаяся на основе общих духовных исканий в объединении индивидов;

- модель «нормализованного» Откровения, сформулированная лидером-основателем, убежденным в своей роли посредника между Богом (божественными силами) и людьми, для спасения которых он и получил новое Откровение [4, с. 153].

Эти модели позволяют типологизировать и новые религиозные движения современной России. Истоки некоторых из них уходят в 70–80-е гг. XX в., формирование таких движений вызвано прежде всего разочарованием в авторитетных религиозных традициях, устоявшихся религиозных практиках. Другие бурное развитие получили в 90-е гг. прошлого века в

результате активной миссионерской деятельности зарубежных религиозных организаций после изменения вероисповедной политики государства и легализации религиозной пропаганды в стране. За прошедшие два десятилетия ряд НРД обрели относительную устойчивость, некоторые из них успешно социализировались в новой России, но отношение к ним как «нетрадиционным религиям», «деструктивным сектам», «псевдорелигиям» продолжает бытовать в обществе, в том числе на различных уровнях власти [2, с. 18]. В то же время Федеральный закон № 125-ФЗ от 26.09.1997 «О свободе совести и о религиозных объединениях» устанавливает, что «в Российской Федерации гарантируется свобода совести и свобода вероисповедания, в том числе право исповедовать индивидуально или совместно с другим любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать и менять, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними» [1, с. 52].

В настоящее время новые религиозные движения составляют не более 1 % от всех зарегистрированных в России религиозных организаций, но те из них, которые выполняют требования российского законодательства, отвечают потребностям определенной части населения, пусть и небольшой, обладают теми же правами, что и крупные религиозные организации, исторически укорененные в российском социуме.

К первой конверсионной модели (психопатологической) можно отнести Церковь Богоматери «Державная» (в России зарегистрировано 19 организаций, в Волгоградской области – 1); из незарегистрированных объединений – некоторые неоязыческие общины, анастасиевцев.

К предпринимательской модели тяготеют организации Саентологической церкви (в России была зарегистрирована одна организация в Москве, в 2016 г. ее деятельность приостановлена по решению суда; в Санкт-Петербурге и ряде других городов действуют незарегистрированные группы), Церковь объединения Муна (6 организаций). В Волгоградской области названные НРД не представлены.

К социальной модели тяготеют Общество сознания Кришны или вайшнавья (всего зарегистрированы 79 организаций, в Волгоградской области – 1), Церковь Христа (всего

в России зарегистрированы 17 организаций, в Волгоградской области – нет), Армия спасения (зарегистрированы 13 организаций, в Волгоградской области – нет).

Модели «нормализованного» Откровения соответствует Церковь последнего завета (иногда ее называют Церковь Виссариона, зарегистрированы 2 организации в Красноярском крае).

Новые религиозные движения дополнили и усложнили конфессиональный портрет России. Но в условиях культурного и религиозного плюрализма они стали реальной частью жизни общества, переживающего сложные социальные трансформации. В повседневности люди постоянно сталкиваются с вечными вопросами о смысле жизни, взаимоотношениях мужчин и женщин, родителей и детей, значении страдания, болезни и старости. Широта и богатство выбора, предоставленные индивиду в условиях свободы совести и свободы вероисповеданий, неудовлетворенность условиями жизни и проблемы самореализации личности оборачиваются кризисом идентичности, который весьма симптоматичен для российской действительности конца XX – начала XXI века. Религиозная конверсия представляет особый способ решения проблемы идентичности в современном интенсивно меняющемся мире, является отражением неудовлетворенности и поисков индивидами прочного основания повседневной жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Законодательство о свободе совести : информ.-метод. справ. / редкол.: Ю. И. Сизов, О. В. Иншаков, О. И. Сгибнева [и др.]. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2008. – 355 с.

2. Новые религии в России: двадцать лет спустя : материалы Междунар. научн.-практ. конф., Москва, 14 декабря 2012 г. / редкол.: Е. С. Элбакян [и др.]. – СПб., 2012. – 240 с.

3. Сведения о государственной регистрации религиозных организаций по состоянию на 31.12.2016. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://to34.minjust.ru/node/2483> (дата обращения: 24.01.2017). – Загл. с экрана.

4. Смирнов, М. Ю. Социология религии : словарь / М. Ю. Смирнов. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2011. – 412 с.

5. Travisano, R. V. Alternation and conversion as qualitatively different transformations / R. V. Travisano // *Social Psychology Through Symbolic Interaction*. – Waltham. : Ginn-Blaisdell, 1970. – P. 238–248.

REFERENCES

1. Sizov Yu.I., Inshakov O.V., Sgibneva O.I., et al. *Zakonodatelstvo o svobode sovesti: inform.-metod. sprav* [The Legislation on the Freedom of Conscience. Information and Methodological Reference Book]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2008. 355 p.

2. Elbakyan E.S., ed. (et al.) *Novye religii v Rossii: dvadtsat let spustya. Materialy Mezhdunar. nauchn.-prakt. konf., Moskva, 14 dekabrya 2012 g.* [New Religions in Russia: Twenty Years Later. Proceedings of International Scientific and Practical Conference, Moscow, December 14, 2012]. Saint Petersburg, 2012. 240 p.

3. *Svedeniya o gosudarstvennoy registratsii religioznykh organizatsiy po sostoyaniyu na 31.12.2016* [Data on the State Registration of Religious Organizations as of December 31, 2016]. Available at: <http://to34.minjust.ru/node/2483>.

4. Smirnov M.Yu. *Sotsiologiya religii: slovar* [Sociology of Religion. Dictionary]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU, 2011. 412 p.

5. Travisano R. V. Alternation and conversion as qualitatively different transformations. *Social Psychology through Symbolic Interaction*. Waltham, MA, Ginn-Blaisdell, 1970, pp. 238–248.

RELIGIOUS CONVERSIONS IN CONTEMPORARY RUSSIA**Olga Ivanovna Sgibneva**

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Sociology,
Volgograd State University
olga.sgibneva@volsu.ru, socpol@volsu.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the reasons of origin and features of activity of new religious movements (NRM) in Russia. On the basis of the theory of religious conversion developed by J. Lofland, R. Stark, U. Bainbridge, the approach to the typology of new religious movements at the federal and regional levels, considering peculiarities of confessional doctrine and religious practice of recruiting adherents, is proposed.

Now new religious movements make no more than 1 % from all religious organizations registered in Russia. Those who carry out requirements of the Russian legislation, have the same rights as the large religious organizations historically implanted in Russian society. Church of the Virgin Mary “Sovereign”, some neo-pagan communities can be attributed to the psychopathological conversion model. The organizations of Church of Scientology and Church of Association refer to enterprise model. The Society of Krishna Consciousness (Vaishnavism), Church of the Christ, the Salvation Army can be attributed to social model; and Church of Last Behest – to the model of the “normalized” Revelation.

The author examines the new religious movements as the objective phenomenon, as response to the needs of society which demands a scientific study. The comprehension of problems of formation and functioning of NRM contributes to a better understanding of the modern social relations.

Key words: freedom of conscience, religious situation, religious associations, new religious movements, theory of religious conversions, missionary, proselytism.